

НЕФОРМАЛЬНАЯ ЭКОНОМИКА И СЕТЕВАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ПРОСТРАНСТВА В РОССИИ*

С.Ю. Барсукова

Неформальная экономика может быть объектом внимания разных исследовательских направлений, — сложность и многогранность явления обуславливают разнообразие его предметных областей. Нас интересует довольно частный вопрос: как неформальная экономика презентует себя в пространстве? Другими словами, можно ли говорить о пространственной специфике сегментов неформальной экономики? Существует ли связь между местом проживания индивида и его вовлеченностью в ту или иную неформальную экономическую деятельность? Если да, то каковы механизмы этой связи? Эти и другие вопросы в центре внимания статьи.

1. Введение

Проблематика неформальной экономики вполне заслуженно смещается с периферии в центр научного дискурса. За этим стоят масштабность явления и значимость его социально-экономических последствий.

Неформальная экономика пережила тех, кто уверяли, что ее дни сочтены. Располагаясь на обочине столбовой дороги реформаторства, неформальная экономика продемонстрировала устойчивый иммунитет и к попыткам привить ей логику калькулируемой рациональности рыночного типа, и к уверениям в неизбежности огосударствления экономической жизни во всех ее проявлениях (1). Господства плана и рынка пережидали кризисы и подъемы, лелеяли надежды и наблюдали их крушение, едва ли замечая при этом, что рядом существует иная реальность — неформальная экономика.

Но со временем игнорировать ее стало недопустимым. Слишком многие вопросы оставались без ответов. Как выживают жители нищих стран? Почему не сбываются прогнозы голодных бунтов? Как сосуществуют очевидный расцвет предпринимательства и почти тотальное, согласно статистике, балансирование предприятий на грани банкротства? Эти и другие вопросы были по-

* Работа выполнена в рамках международного коллективного проекта «Неформальная экономика городских и сельских домашних хозяйств: реструктурирование сетей межсемейного обмена» (при поддержке INTAS, № 97-21457, руководители — Т. Шанин, В. Радаев).

ставлены прежде всего применительно к развивающимся странам, где неформальная экономика играла роль не вспомогательного, а основного элемента социально-экономического порядка. Впрочем, вскоре стало очевидно, что экономика развитых стран также несвободна от неформальной компоненты. С этого момента начинается бум эмпирических и теоретических исследований, посвященных неформальной экономике. Выделяется группа интеллектуальных лидеров (2, 3, 4).

На наш взгляд, невозможно понять современную Россию без пристального внимания к неформальной экономике. Здесь проявились и глубокие исторические корни (традиция коллективистской солидарности, отношение к семье как основе миропорядка), и современные социально-экономические коллизии (падение жизненного уровня, безработица, непредсказуемость реформаторской логики). Этим обусловлено внимание к данной проблеме со стороны разных дисциплинарных направлений.

Наша цель — выявить пространственную специфику сегментов неформальной экономики, а именно определить характер теневой и домашней экономик в зависимости от их пространственной локализации.

2. Теневая и домашняя экономики как сегменты неформальной экономики

Определение неформальной экономики в терминах отсутствия контрактных основ экономической деятельности приводит к выводу, что неформальная экономика представлена, как минимум, двумя составляющими: деятельностью, *игнорирующей* контрактное право, и деятельностью, *не предполагающей* формализованного контракта как основу взаимодействия. Очевидно, что контракт является далеко не единственной формой институализации хозяйственной практики. Регуляция экономической жизни может основываться на традиции, взаимопомощи, солидарности, доверии как специфических формах социальных отношений. При этом формализованный контракт чужероден, и его существование изначально не предполагается. Из этого следует вполне очевидное деление неформальной экономики на два качественно разнородных блока.

Первый блок представлен *теневой экономикой* как деятельностью, совершаемой в обход тех или иных формализованных институтов хозяйственной практики (регистрации и лицензирования, налогообложения, отчетности и т. д.). Важно отметить, что их игнорирование не означает, что теневая экономика пребывает во внеинституциональной среде. Возможно не тотальное, а селективное игнорирование формализованных институтов, задающее сегментированность теневой экономики. Выявление области нарушаемых норм лежит в основе классификации сегментов теневой экономики в рамках неинституционального подхода (5). Кроме того, бреши игнорируемых норм заполняются *вне-легальной системой правил*, функционально зачастую дублирующих корпус отрицаемых норм (6). Игнорирование формализованных институтов влечет за собой установление квазиконтрактных нелегальных отношений с легальными или нелегальными партнерами. Классические примеры этих двух вариантов — связи предпринимателей с коррумпированными чиновниками и преступными группировками. Если коррупция — нелегальная связь с легальными представителя-

ми власти, то попытки обзавестись «крышей» — стремление установить регулярные отношения с силовыми партнерами легального и нелегального толка (7). Создание предпринимателями внезаконной системы правил можно трактовать как экономическое и социальное конструирование альтернативной институциональной среды бизнеса. Выгодность подобного конструирования для предпринимателей определяется возможностью посредством использования иных ресурсов и иных схем расчетов нести существенно меньшие транзакционные издержки по сравнению с теми, что предполагаются в рамках легальной экономики (8). Например, игнорирование норм регистрации и лицензирования означает для предпринимателя практику частного кредитования с опорой на социальный капитал в виде доверия социального окружения.

Другой блок неформальной экономики — *домашняя экономика*, изначально предполагающая в качестве основы неформальные институциональные нормы. Домашняя экономика не нарушает хозяйственного законодательства, она просто им не регулируется. Внеконтрактность домашнего труда является нормой общества, а не результатом стремления его участников повысить доходность деятельности. Статистическая неподотчетность домашней экономики является логичным следствием приватности этой сферы. Институциональная среда домашней экономики служит не функциональной альтернативой формальных экономических институтов (как в теневой экономике), а восходит к социальным отношениям, укорененным в механизмах социализации и интернализации социальных норм.

Подобное представление о делении неформальной экономики на теневую и домашнюю будет для нас базовым. Мы сознательно не решаемся на дальнейшую сегментацию указанных составляющих, считая, что это лишь усложнит рассуждения, не добавляя содержательной новизны. При этом мы, безусловно, признаем плодотворность самой традиции более дробной сегментации неформальной экономики (9).

Приняв в качестве блоков неформальной экономики теневую и домашнюю составляющие, трудно не удивиться колоссальному разнообразию данных видов деятельности. Это и «сделки века», уводящие из государственной казны десятки миллионов рублей, и нерегистрируемое предпринимательство пенсионера, чинящего краны соседям, и усилия домочадцев по обустройству английских лужаек вокруг своих элитных особняков, и борьба за урожай на нескольких сотках дачного участка. При всей непохожести названных явлений, их принадлежность к неформальной экономике бесспорна. На наш взгляд, многообразие неформальной экономики получает логичное объяснение и становится аналитически упорядоченной системой, если использовать теоретическую концепцию *сетевой* организации пространства в России.

3. Сетевое пространство в России

Прежде всего отметим масштабность российских просторов. Очевидность этого утверждения не умаляет его аналитической значимости. Просторы отвечают на своеобразный парадокс российской пространственной организации. С одной стороны, в силу колоссальных расстояний подчинение пространства было делом чести и признаком политической состоятельности любого россий-

ского правителя. Это вело к централизации пространственной организации, стремлению унифицировать жизненные практики на всей территории. С другой стороны, протяженность российской земли не оставляла сомнений в несбыточности этих устремлений, поскольку надежды на равнодоступность централизованных ресурсов таяли по мере удаления от распределяющего центра. Удаления, измеряемого не погонными метрами, а этажами иерархической пирамиды территориальной организации.

Если западный мир освоил федеративно-субсидиарную модель, предполагающую равноправие субъектов федерации с исключительно добровольной передачей полномочий и ресурсов центру, то Россия век за веком шлифовала унитарно-централизованную модель, основывающуюся на рейтинговой упорядоченности прав территориально-административных единиц (10). В результате в причудливой форме сошлись утопическая тяга к социальной однородности в ее пространственном аспекте и сермяжная правда бьющих в глаза различий жизненных практик тех, кто проживали «на разных этажах» пространственно-территориальной иерархии.

Новые времена внесли коррективы: на смену иерархии территорий пришла сетевая организация пространства. Уже не жесткая субординация во главе с центром, а дистанцирование узловых зон и внеузловых территорий является основной характеристикой российской пространственной организации. «Сетевизация» пространства современного общества — одна из плодотворных идей социологии города (11).

Сетевая организация российского пространства проявляется в распаде иерархической пирамиды территорий. Пространство организуется не как пирамидальная вертикаль с центром наверху, а как горизонтальная сеть несубординированных узлов и внеузловых территорий. Узловые центры являются местом локализации политических институтов, концентрации экономических и интеллектуальных ресурсов, оформления культурных кодов эпохи. Вся жизнь общества строится вокруг итерационного согласования интересов ограниченного количества узловых центров. Их специфика состоит в том, что, определяя жизнь России, они, в свою очередь, принадлежат мировым сетям. Внеузловое пространство делегирует свои экономические и политические ресурсы узловым центрам, получая взамен опосредованную приобщенность к культуре и товарам мирового рынка.

Сетевая логика современной России делает абсурдными попытки центральной власти действовать сообразно иерархической модели пространственной организации. Если в советское время интенция социального равенства территорий противоречила их реальной субординации, то в постсоветский период стремление к централизации пространства столь же явно контрастирует с реалиями сетевого общества.

Впрочем, сетевое общество не следует сводить к особой организации пространственной жизни. Скорее, это новый принцип организации жизни общества, характерный для постиндустриального этапа и проявляющийся в экономике, политике и культуре (12).

В микроэкономике сетевое общество редуцируется до понятия «деловые сети», о которых речь пойдет ниже. На уровне макроэкономики узловые центры становятся непосредственными участниками глобальных экономических сетей.

На смену аккумулятивному могуществу центра приходит множественность узлов российской экономики, вливающих свои ресурсы в мировые потоки сырья, товаров, финансов и информации.

В организации производства наметился сдвиг в сторону сетевизации внутренней структуры предприятий, что позволяет примирить стремление к концентрации капитала с потребностью в гибкости и маневренности. Гиганты промышленности из монолитной глыбы распадаются на звенья, отношения собственности и функциональная зависимость между которыми гарантируют прочность и одновременно гибкость структуры. Мелкие предприятия предлагают себя в качестве сетевого элемента для более крупных сетей. Полуавтономность отдельных звеньев индивидуализирует труд рабочих, подводя финальную черту под суждением Х. Бравермана о росте рутинности и монотонности труда по мере развития производительных сил общества (13). Индустриальное общество так же убедительно доказывает эту связь, как информационное ее опровергает.

Не менее значимы перемены и в государственном управлении, определяющемся уже не трансляцией принятых в центре решений, а переговорным процессом между звеньями сети политических институтов. Во внешних отношениях «сетевизация» проявляется в погружении суверенного государства в сеть международных организаций, регулирующих жизнь мирового сообщества. Однако подробный анализ сетевого общества не входит в область нашего интереса. Для нас принципиально то, что теоретическая конструкция сетевого общества позволяет выделить узловые центры и внеузловые территории как основу пространственной организации России. Рассмотрим в этой связи пространственную специфику сегментов неформальной экономики.

4. Теневая экономика: пространственный аспект

Существуют попытки определить масштабность теневой экономики в зависимости от географической компоненты. Еще в советские времена было зафиксировано нарастание доли нелегальных доходов респондентов по мере движения их пространственных координат с севера на юг и с востока на запад (14). Другими словами, на территории бывшего Советского Союза соотношение легальных и нелегальных доходов было выше на севере и востоке страны, чем на юге и западе. Этим результатом фиксировались структурные различия региональных экономик, а также различия национальных традиций и ориентаций населения. Однако мы не склонны придерживаться подобной аналитической схемы по двум принципиальным соображениям. Во-первых, легальные доходы респондента еще не означают отсутствия теневой составляющей в хозяйственной практике работодателя, что особенно отчетливо заявило о себе в постсоветский период. Во-вторых, пространственная специфика теневой экономики проявляется, на наш взгляд, не в монотонном угасании по мере движения вдоль широт и меридианов, а в более «рваном», мозаичном, сетевом рисунке пространственных неравномерностей.

Мы оставляем в стороне вопрос о соответствии сетевой организации пространства принципам социальной справедливости, тем более что понятие социальной справедливости зачастую вплетают в ткань дискуссии, когда хотят придать ей совершенно запутанный и неоперациональный характер. Мы лишь

фиксируем то обстоятельство, что территориальный аспект имеет самое непосредственное отношение к степени вовлеченности деловых кругов в сверхприбыльные бизнес-операции. Размещение хозяйствующего субъекта задает масштаб его деятельности, являясь одним из ведущих факторов предпринимательского успеха. Вертикальный взлет предпринимательских структур, как правило, основан на деятельности, предполагающей элемент лоббирования в коридорах власти, без чего сверхдоходность сделок была бы маловероятна. Это и задание контуров экспортно-ориентированной политики в области природных ресурсов, и получение эксклюзивных прав и контрактов, и возможность легального существования естественных монополий на фоне антимонопольных заклинаний правительства, и другие проявления режима благоприятствования для немногих, имеющих отношение к выработке властных решений. Участие в создании правил (что не исключает их виртуозного игнорирования) обуславливает сверхдоходность сделок, большая часть которых связана с выходом на международные рынки сырья, продуктов и финансов. Надо ли говорить, насколько неодинаковы возможности подобных сделок для субъектов, различающихся пространственными координатами.

Вероятность лоббирования как основы сверхприбыльности сделок зависит от ресурсных и институциональных возможностей хозяйствующего субъекта. Под ресурсными возможностями мы понимаем не только распоряжение природными ресурсами, но и интеллектуальную состоятельность корпуса менеджеров, доступность сети консультационных услуг, возможности для наращивания социального капитала предпринимателя и т. д. Очевидно, что подобные блага распределены в пространстве крайне неравномерно. Утверждение, что данная неравномерность снимается (или смягчается) с развитием коммуникационных технологий, кажется нам весьма спорным. Прежде всего, доступ к новейшим коммуникационным каналам также имеет пространственную специфику и характеризуется отчетливой неравномерностью в пользу мегаполисов*. Вдобавок коммуникационные технологии лишь усугубили, а не смягчили неравномерный доступ к природным ресурсам, поскольку упразднили связь между их размещением и местом проживания их распорядителей. Что касается возможностей квалифицированного менеджерского и консультационного сопровождения бизнес-планов, то очевидны более высокая плотность и качество подобных предложений в крупных городах России. Таким образом, возможности реализации сверхдоходных операций, как правило, предполагающих выход на мировой рынок, нельзя считать равномерными в пространственном аспекте. По большому счету, можно утверждать: место жительства предпринимателя определяет структуру и уровень его доходов.

Но какое отношение это имеет к неформальной экономике? Самое непосредственное: сверхдоходность сделок выступает мощным стимулом нарушения хозяйственного законодательства, выводя предпринимателя за грань легальной экономики. Объяснение не сводится к тяготам налогового бремени, и упование на тотальное законопослушие при его ослаблении представляется нам очередной финансовой идеологемой. Не менее важное значение имеет краткосрочность мотивации предпринимателя, мыслящего категориями сегодняшнего

* Так, в 1997 г. в России насчитывалось 1,2 млн пользователей Интернета, среди которых 99 % составляли жители городов, а 70 % — жители Москвы, Санкт-Петербурга и Екатеринбурга (15).

дня. Истоки этого феномена следует искать в российской исторической практике, экономической нестабильности, политической непредсказуемости и прочих подтверждениях правоты тех, кто живут по принципу «здесь и сейчас». Краткосрочность мотивации упрочилась в ходе августовского кризиса 1998 г. (16). Видимо, сказался и эффект качнувшегося маятника, когда краткосрочность мотивации современных предпринимателей явилась формой протеста против долготерпения отцов и дедов, стремившихся к светлому будущему. Так или иначе, но теневая практика крупного бизнеса дает ему солидные шансы на сверхнормативное преуспевание, с чем связаны финансовые потоки, соединяющие бизнес с коррумпированной верховной властью, с одной стороны, и с силовым нелегальным предпринимательством — с другой. Подобная ипостась и масштабность теневой активности характерны, таким образом, для предпринимательских структур, размещенных в немногочисленных опорных пунктах российской экономики. Так, Екатеринбург представляет Урал; Тюмень, Омск, Новосибирск — Западную Сибирь; Красноярск — Восточную Сибирь; Владивосток — Дальний Восток и т. д. Москва и Санкт-Петербург стоят особняком в этом ряду. Статус Питера как криминальной столицы был бы невозможен без колоссальных оборотов теневой экономики, взимающей ренту с географической специфики города, традиционно вовлеченного в мировые связи при одновременном навыке конвертации статуса «второй столицы» во вполне осязаемые блага.

Мы не считаем, что теневая составляющая деятельности предпринимателей менее представлена в малых городах или сельской местности, но берем на себя смелость утверждать, что теневая экономика как способ получения *сверхдоходов* — удельное право предпринимателей крупных городов, замыкающих на себя сырьевой потенциал и интеллектуальные ресурсы целых регионов. Используемые при этом алгоритмы редуцируются до слов «лоббирование», «коррупция», «заказные убийства», «покупка мест в правительстве» и прочих крупномасштабных акций, создающих основу уже не теневой, а криминальной экономики с весьма серьезными для страны последствиями. При этом отечественные узловые центры поставляют себя в качестве сетевого элемента для глобальных сетей международного бизнеса, зачастую выполняя функцию поставщика сырья и утилизатора отходов.

Что же касается прочих мест локализации предпринимательского корпуса, не вошедших в реестр узловых точек российской экономики, то их теневая составляющая, как правило, дает им возможность процветать в несопоставимо более скромных размерах и предполагает несколько иные механизмы функционирования. Алгоритмы теневой практики уездного масштаба основаны на персональных контактах с представителями местных контролирующих инстанций, за скромное вознаграждение закрывающих глаза на регулярное обворовывание налогооблагаемой базы. Здесь нет головокружительных взлетов, но нет и летальных исходов. Здесь покупают не места в правительстве, а расположение местных чиновников. Иначе говоря, борьба идет не за доступ к *конструированию* законодательных норм, а за возможность безнаказанного *уклонения* от действующих правил.

В этой связи возрастает значимость деловых сетей, включающих не только предпринимателей, но и представителей властных, контролирующих и сило-

вых структур. Доверие к партнеру как участнику деловой сети служит основой снижения транзакционных издержек теневых сделок. Участники единой деловой сети предпочтительнее хотя бы потому, что их поведение прогнозируемо, их давно знают, их вхождение в сеть обставилось серией рекомендаций и личных поручительств. Отношения между участниками сети включают доверие не как элемент идеалистического благодушия, а как проверенную приверженность внутрисетевой этике. Однако поддержание сети и подтверждение своего участия в ней требуют определенных ресурсных затрат. Участники деловой сети обслуживаются внутри сетевых каналов на особых условиях (часто нерыночной природы), но при этом оплачивают свое членство в сети ответными обязательствами. В рамках деловых сетей формируется и кристаллизуется этика российского бизнеса. Сетевые аутсайдеры не несут издержек по выстраиванию вокруг себя деловых сетей или преодолению барьеров входа в уже сформированные сети. Зато они оплачивают транзакционные издержки любой сделки по максимальной цене, включая риск непредсказуемости поведения незнакомых партнеров. Если узловые центры пытаются войти в глобальные сети, без чего сверхдоходность бизнес-деятельности недостижима, то внеузловое пространство пронизано локальными сетями, без которых стратегии выживания нереализуемы. Вместе с тем в обмен на функциональную полезность и подчиненность этике деловой сети приобретается право использовать сетевые ресурсы и тем самым снижать издержки деятельности. Но в одном случае речь идет о ресурсах глобальных, в другом — локальных.

Отметим, что из вышесказанного не следует жесткой детерминации масштабов и алгоритмов теневых практик предпринимателей, а также характера деловых сетей местом их территориальной локализации. Безусловно, и в экономических центрах сохраняется множество мелких предпринимателей, не выходящих на уровень глобальных сделок, не претендующих на формирование политических установок, не демонстрирующих амбиций мирового уровня. Более того, таких большинство. Однако важна сама возможность (или отсутствие) реализации подобных амбиций, а также шансы их возникновения в зависимости от пространственной локализации хозяйствующего субъекта. Принадлежность к узловым центрам заражает глобальными грезами, провоцирует масштабность и авантюренность теневой практики, формирует поле возможных сверхвыигрышей в результате теневизации бизнеса. Иная пространственная локализация придает теневой практике бизнес-организации статус борьбы за выживание. Таким образом, теневая экономика узловых локалов создает *возможность* удовлетворения глобальных амбиций, тогда как теневая экономика внеузловых пространств обусловлена *необходимостью* сопротивления неблагоприятной институциональной среде.

Но теневая экономика пронизывает не только предпринимательские практики, она подчиняет себе жизнь тех, кто вовлечены в теневые отношения на правах *наемных работников*. Есть ли здесь пространственные различия? На наш взгляд, они довольно существенны. В узлах сосредоточения экономического потенциала страны возможности «хорошо жить» связаны с шансами на профессиональное обслуживание теневых монстров, тогда как в остальных локалах успешно выживать помогает практика бытовых диверсий против работодателя. В первом случае работник входит «в долю» с работодателем, профессионально

обслуживая теневую деятельность по обворовыванию государства и закрывая на это глаза в силу эмоциональной обиды на социальную цену, оплаченную «дорогими россиянами». Во втором случае работник ворует сам, обычно беря натурой, сгибаясь под тяжестью выносимого через проходную, унесенного с фермы, вывезенного со стройки, и т. д.

Отметим также, что сетевое общество в культурной сфере проявляет себя в размытости культурных кодов и неоднозначности суждений. Это обусловлено, во-первых, утерей центром возможности дозировать информацию и придавать ей однозначный смысл; во-вторых, вхождением национальных средств массовой информации в глобальное информационное пространство. Сетевая организация пространства массмедиа привела к «сетевизации» культурных кодов и разнообразию трактовок вплоть до взаимоисключающих. Теневая экономика советского типа была масштабным, но негативно оцениваемым явлением. Вор знал, что поступает, мягко говоря, неправильно. Сетевое общество дало возможность переосмыслить прежние понятия. Речь идет не о реабилитации, а о неоднозначности оценок подобного поведения, что создает новый культурный климат развития теневой экономики.

Расхожее «воруют!..» игнорирует весьма существенное пространственное различие. В крупнейших центрах, имеющих выходы на мировые рынки, работники воруют опосредованно, получая денежное вознаграждение за профессиональное обслуживание теневых операций; мера участия в теневых доходах работодателя зависит от профессиональной состоятельности и незаменимости работника, что зачастую кроется в его осведомленности и проверенной лояльности. Близость к боссу в должностной иерархии теневого бизнеса определяет меру вознаграждаемого участия. О теневом альянсе работника и работодателя написано множество работ (17, 18). Иная ситуация в городах и селах, «провалившихся» в ячейки сетевой организации современной жизни. Здесь воровство представлено в непосредственном, первозданном виде, а его возможности зависят от близости к материально-вещественным ценностям. Конечно, действует система соблюдения приличий, понимаемых как воровство «по чину», но в целом можно выносить корма, будучи рядовым скотником (19). У клерка крупной компании в этом смысле гораздо больше стимулов к должностному росту, определяющему меру участия в теневых доходах работодателя. Этот, казалось бы, малозначительный факт разделения в пространстве натуральной «тащилки» и денежного соучастия в теневых предпринимательских доходах, имеет весьма существенные последствия с точки зрения отношения работников к своему времени.

Натурализация теневой практики работников обуславливает потребность во времени на доведение ресурсов до конечного потребления, придание им требуемых потребительских свойств. Свободное время становится важным ингредиентом домашнего производства и формой оплаты труда. Денежное же участие в теневых доходах работодателя нацеливает работника на демонстрацию профессиональной одержимости и подчиненности целям организации, что достигается добровольным сокращением времени досуга и отдыха. К тому же в узловых экономических зонах возможность конвертации денег в потребительские блага принципиально иная, нежели в тех местах, где диверсификация общественного предложения безнадежно отстает от разнообразия потребитель-

ских предпочтений. Впрочем, здесь мы выходим на пространственную специфику другого сегмента неформальной экономики, т. е. на экономику домашних хозяйств.

Прежде чем анализировать домашнюю экономику, систематизируем вышесказанное. Характеристики теневого предпринимательства в пространственном разрезе представлены в табл. 1.

Таблица 1

Критерий сравнения	Внеузловое пространство	Узловой центр
Цель	Выживание бизнес-организации	Получение сверхдоходов
Уровень конкуренции	Конкуренция на локальных рынках, отрезанных от глобальных рынков	Конкуренция на глобальных рынках при монополии на локальных
Отношение к действующему законодательству	Теневое уклонение от его исполнения	Теневое участие в его формировании
Уровень коррумпированных связей	Местные органы власти и контроля	Федеральное и региональные правительства
Коренной интерес	Снижение издержек легальности ввиду стремления быть под защитой закона	Сохранение собственных условий как исключительных ввиду стремления быть над законом
Уровень доходов предпринимателей	Высокие доходы на фоне среднедушевых доходов россиян	Высокие доходы на фоне международной практики бизнеса
Возможности обновления состава предпринимателей	Бурная ротация предпринимательской среды, особенно в ее нижних слоях	Кристаллизация корпуса крупнейших предпринимательских структур
Участники деловых сетей	Местные предприниматели и чиновники, ресурсы которых позволяют создать локальные сети	Крупные банки, предприятия и правительственные чиновники, ресурсы которых позволяют войти в глобальную сеть
Основа теневого дохода наемных работников	Натуральная «тащилка», использование рабочего времени в личных целях	Профессиональное обслуживание теневой деятельности; демонстративная подчиненность целям организации
Время работника в системе действий работодателя	Возможность расплачиваться недоиспользованным рабочим временем работника	Стремление расширить границы рабочего времени работника
Возможности изучения теневых практик социологическими методами	Контакт предпринимателей с социологами как способ защиты своих интересов перед властью, отсюда: информация достоверна и нуждается в анонимности	Контакт предпринимателей с социологами как элемент PR-деятельности, отсюда: информация недостоверна и в анонимности не нуждается

5. Домашняя экономика: пространственный аспект

Внимание социальных наук к домашней экономике четко обозначилось в 60—70-е годы. Мы не будем обсуждать причины этого тематического поворота,

равно как и объяснять запаздывание интереса советских исследователей к этой проблематике. Это тема отдельного разговора. Отметим лишь, что со времен «новой домашней экономики» Г. Беккера экономическая наука отказалась от представления о жестком разделении сфер производства и потребления как закрепленных за фирмами и домохозяйствами (20). Бизнес-организации производят товары, поступающие в качестве исходных ресурсов в домашние хозяйства, которые создают на их основе конечные блага в точном соответствии с потребительскими предпочтениями домохозяев*. При таком понимании домашняя экономика не является уделом отверженных и обездоленных, ибо имеет в качестве основы два обстоятельства: ограниченность доходов и индивидуализацию потребностей.

Первое обуславливает стремление к экономии денежных средств; соответственно домашняя экономика компенсирует домашним трудом скудность семейного бюджета. Второе обстоятельство восходит к личной свободе и снятию тоталитарного диктата в области потребления. И в этом смысле домашняя экономика снимает противоречие между индивидуальными потребностями и массовым производством. При таком понимании неочевиден характер связи домашней экономики с уровнем благосостояния общества. Обнищание населения актуализирует мотив экономии средств, что действительно ведет к расширению домашнего производства. Однако при росте благосостояния общества экономия как мотив ведения домашнего хозяйства отходит на второй план, возрастает потребность в удовлетворении индивидуализированных потребностей. Таким образом, разнонаправленная динамика уровня благосостояния актуализирует разные основания домашней экономики. В этой связи представляется спорным суждение об однозначной связи домашнего труда в России с экономическими и социальными проблемами переходного периода. При более благоприятной ситуации домашняя экономика сохраняется, но на другой идейной основе, в других масштабах и в других формах. Чтобы в этом убедиться, необязательно ждать расцвета российской экономики (тем более, что можно и не дожидаться). Эти логики работают уже сейчас, но в разных пространствах. Останемся на этом подробнее.

В советский период различия домашних экономик фиксировались в разрезе «город — деревня», а также между городами разных типов и административных статусов. Сейчас такая схема вряд ли работает. Образ жизни горожан и селян, безусловно, по-прежнему существенно дифференцирован. Но основное различие прослеживается между узловыми зонами и внеузловыми территориями, включающими как многонаселенные города, так и малые деревни. Если раньше на языке селян чужак маркировался как «горожанин», то теперь принадлежность к городу еще ничего не означает. Гораздо важнее с точки зрения образа жизни, что это за город, на пересечении каких финансовых и ресурсных потоков он расположен, каков его экономический статус. Если мечта большевиков сгладить различия между городом и деревней так и не реализовалась в советский период, то в постсоветской практике произошел явный сдвиг в этом направлении: по образу жизни жители внеузловых городов все более уподобля-

* На этом основано различие понятий «good» и «commodity» в новой домашней экономике Г. Беккера, где первый термин обозначает «товар» как конечный продукт общественного производства, второй термин — «благо» как результат переработки «товара» в домашнем производстве.

ются жителям деревень. Это отчетливо демонстрирует домашняя экономика, ее масштаб, мотив и форма.

Если домашний труд во внеузловом пространстве — следствие нехватки денежных средств, то домашнее хозяйство в крупнейших и экономически определяющих городах — желание сделать жизнь максимально комфортной и адаптированной к индивидуальным потребностям. Иначе говоря, в крупнейших экономических центрах домашняя экономика — добровольное обслуживание индивидуализированных потребностей; на остальной территории — вынужденное удовлетворение базовых унифицированных потребностей. В первом случае домашний труд обусловлен возможностью купить «не совсем то», во втором — нехваткой средств для покупки готовых товаров. На бытовом уровне это проявляется в том, что некоторые хозяйки варят варенье из крыжовника, начиненного грецкими орехами, другие незамысловато переводят на повидло плоды собственных дачных усилий.

Актуальный для западной науки спор о разделении домашнего труда и досуговой деятельности имеет отношение преимущественно к российским узловым центрам. Чем более явный характер выживания имеет жизнь индивида, тем более различимы его домашний труд и досуг. Вышивание бисером в зависимости от обстоятельств может быть отнесено как к домашнему труду, так и досугу. Но поход за водой из-за отсутствия водоснабжения так же трудно не признать домашним трудом, как назвать формой оздоровительного досуга.

Домашняя экономика внеузлового пространства задействует свободное время недоиспользованной рабочей силы. Вне рабочее время выступает одновременно ресурсом и причиной натурализации домохозяйств: ресурсом — поскольку время является важнейшим ингредиентом домашнего производства, причиной — поскольку его наличие почти всегда свидетельствует о скудности заработка. Что же касается крупнейших экономических центров, то они демонстрируют изменение отношения людей к своему времени, формам его расходования, жизни в целом. Здесь значимы *деловые*, а не *бытовые* проблемы. Проблемы быта решаются за счет денежных средств, результирующих успешность профессиональной деятельности.

Безусловно, не все, живущие в узловых локалах, изменили жизнь подобным образом. Среди них довольно высока доля тех, кто следует образу жизни второразрядного малого города. Это пенсионеры, безработные, представители социально депривированных слоев и т. д. Но важно, что с ними соседствуют представители иного образа жизни, обремененные желанием заработать, а не сэкономить. Два социальных мира уживаются на одной территории.

Характерное различие двух типов домашней экономики прослеживается и в распределении домашних обязанностей. Ролевая дифференциация внутри домашних хозяйств различается в зависимости от их пространственной принадлежности. Внеузловые пространства применяют логику «двойного рабочего дня», когда скудность денежных поступлений в семейный бюджет не позволяет освободить работоспособных членов семьи от участия в рыночной экономике. Однако их участие в домашней экономике столь же неизбежно ввиду ее трудоэкстенсивного характера. В сочетании с гендерными стереотипами общества это ведет к повышенной трудовой нагрузке женщин. Заметим, что именно в деревнях и малых городах патриархальные отношения наиболее легитимизированы.

В крупнейших экономических центрах у домохозяйств, как правило, есть принципиальная экономическая возможность освободить от участия в рыночной экономике одного из своих членов. Обычно выбор падает на женщину. Отказ с ее стороны может быть следствием карьерных амбиций, согласие — свидетельством желания проявить не профессиональные, а женские таланты, изрядно подзабытые, а потому особенно притягательные. В общественном сознании жены состоятельных людей выполняют функцию демонстрантов соблазнительных возможностей эпохи рынка (21). При этом не афишируется тот факт, что эту группу отличает повышенная склонность к суицидам. Слишком долго критерии социальной значимости женщин были бесполы по своей сути. Видимо, трансформация ценностей не терпит спешки.

И наконец, пространственное различие домашних экономик прослеживается в жилищных предпочтениях. На одном полюсе жилье — маркер социального статуса и образа жизни, на другом — ресурс выживания. Последнее на практике означает, во-первых, нацеленность на территориальную близость к поддерживающим родственным и дружеским сетям; во-вторых, феномен «совокупного жилья»; в третьих, ориентацию на социальную инфраструктуру «выживания», что предполагает близость оптовых рынков, недорогих магазинов, муниципальных школ, общественного транспорта и т. д.

По каналам родственных и дружеских сетей курсируют трудовые, материально-вещественные, денежные и информационные ресурсы (22). Семьи, входящие в одну сетевую коммуникацию, могут передавать друг другу детскую одежду, выручать деньгами и советами, оказывать помощь трудом (например, совместная посадка картофеля). Очевидно, что возможности подобной взаимопомощи зависят от территориальной близости элементов сети. Это связано с тем, что часть ресурсов может передаваться только непосредственно из рук в руки, и к тому же помощь действенна постольку, поскольку своевременна. Таким образом, ресурсный потенциал семьи включает временно свободные ресурсы всей сети. Понятно, что игнорировать эту возможность могут только ресурсоизбыточные семьи. Соответственно территориальная близость к родственным и дружеским сетям поддержки является одной из важных характеристик жилищных предпочтений тех, кто решают проблему выживания, равно как и расширение ареала совокупного жилья.

Под совокупным жильем понимается пространство хозяйственной жизнедеятельности домашней экономики, что, помимо квартиры или дома, может включать гараж, погреб, сарай, мастерскую, дачный участок и пр. Термин «совокупное жилье» заимствован у В. Вагина (23). Его использование означает дополнительную возможность эффективного хозяйствования и удовлетворения потребностей семьи. Вместе с тем его поддержание требует затрат времени, а также финансовых и материальных вложений. При нехватке денежных средств проблема решается посредством «тащиловки» и уже упомянутого «двойного рабочего дня» домохозяев. Поэтому совокупное жилье является не только ресурсом выживания, но и фактором натурализации домашней экономики.

На другом социальном полюсе — успешные представители крупнейших экономических центров. Их жилищные предпочтения основаны на иных принципах. Престижные адреса в настоящий момент могут быть условно поделены на две группы: старые и новые. К старым относятся квартиры в исторических

центрах городов, заселяемые в прошлом представителями элит советского периода. Такие квартиры при всех стараниях новых владельцев отстают от современных строений по уровню комфортности и надежности коммунального хозяйства, но сохраняют привлекательность в силу «богемности» или «элитности» прежних и нынешних жильцов. Не будет преувеличением сказать, что в цену на такие квартиры входит плата за право современного нувориша чувствовать себя равным тем, кто в советский период находились на вершине социальной значимости (деятели искусства, правительственные деятели, представители военной элиты и пр.). Факт поселения в такие дома — одна из итераций конвертации экономической мощи предпринимателя в социальную одобряемость его поведения.

Новые престижные адреса представлены многоквартирными домами повышенной комфортности, а также коттеджными поселками. Эти два варианта сходятся в стремлении их обладателей территориально локализоваться по имущественному признаку и соответственно дистанцироваться от социально чуждого окружения. Пространственная локализация представителей денежного пула сопровождается сегрегацией школ, больниц, культурно-досуговых организаций и торговых предприятий. Речь идет о социальном зонировании городов как пространственном воплощении социальных иерархий (24).

Строительство коттеджей наиболее отчетливо продемонстрировало *прозападную стилизацию* жизни состоятельных людей узловых центров. Коттедж не столько вид жилья, сколько специфический образ жизни, предполагающий обслуживающий персонал, отказ от общественного транспорта и пр. Если приобретение элитной квартиры лишь предполагает корректировку образа жизни, то переезд в коттедж делает ее неотвратимой.

Стремление повторить в жилищных предпочтениях западный стиль обусловлено, по-видимому, двумя обстоятельствами: вовлеченностью представителей узловых центров российской экономики в мировые потоки ресурсов и информации, а также спецификой формирования новой экономической элиты в России.

В отличие от бывших стран социалистического лагеря в России на начало реформ не было ни потомков, ни реальных субъектов предпринимательской активности. С высокой степенью вероятности новые российские предприниматели были выходцами из различных социальных групп общества. Отсюда привнесение ими социальных норм и ценностей не какой-либо определенной социальной группы, а «смеси» образов жизни. Как результат, предприниматели первой волны не представляли интегрированной части общества, несущей в виде преемственности какие-либо доминирующие нормы и ценности. Этим порождены не только неоднородность, но и противоречивость, конфликтность и агрессивность предпринимательской группы, которая изначально имела едва ли больший потенциал для консолидации, чем для конфронтации. Однако со временем необходимость выработки унифицированной системы ценностей и норм стала очевидной. В силу «мозаичности» и разнородности исходного материала утверждение нового образа жизни требовало высокой степени публичности поведенческих образцов, а также их наглядной притягательности. Это было достижимо только в виде утверждения образа жизни, характеризуемого внешней притягательностью и высокой степенью демонстрационности, а также рез-

Таблица 2

Критерий сравнения	Внеузловое пространство	Узловой центр
Функциональное назначение домашнего труда	Удовлетворение базовых унифицированных потребностей	Удовлетворение индивидуализированных потребностей
Цель ведения домашнего хозяйства	Выжить	Жить в комфорте
Причины ведения домашнего хозяйства	Нехватка денежных средств	Недостаточная диверсификация массового производства
Базовый ресурс	Время как компенсатор нехватки денег	Приобретаемые товары, доводимые до конечного потребления при небольших затратах времени
Отношение ко времени	Время — ресурс решения бытовых проблем	Время — деньги, за счет которых решаются бытовые проблемы
Отношение к деньгам	Стремление сэкономить	Стремление заработать
Распределение домашних обязанностей	«Двойной рабочий день» членов домохозяйства, патриархальные традиции, физическая перегрузка женщин	Экономическая возможность освободить женщину от оплачиваемой работы, вмененная в обязанность «светскость», психологическая перегрузка женщин
Жилищные предпочтения	а. Совокупное жилье, б. Территориальная близость к родственным и дружеским сетям поддержки, в. Инфраструктура «выживания»	Территориальное обособление в разрезе «старых» и «новых» престижных адресов
Тенденция трансформации домохозяйств	Натурализация	Прозападная стилизация

ко отличного от образа жизни тех социальных групп, выходцами из которых явились предприниматели (25). Жилищные предпочтения могли являться (и стали) наиболее иллюстративной формой такого поведения.

Сравнение домашних экономик узловых центров и внеузловых пространств можно представить в виде табл. 2.

Таким образом, и домашнее хозяйство как сегмент неформальной экономики несет на себе печать пространственной организации.

Вместо заключения

Почти вся урбанистика советского периода исходила из идеи об иерархической упорядоченности территорий, и это было сообразно реальности. Однако вряд ли это соответствует современности, поскольку невозможно иерархически упорядочить узловые точки сетевого пространства. Также сомнительно рейтинговое превосходство столицы перед рядом экономических зон в определении правил экономического взаимодействия. Представление о сетевом принципе организации российского пространства дает возможность по-новому взглянуть на проблемы неформальной экономики.

В зависимости от пространственной локализации хозяйствующих субъектов различаются не только масштабы, но и цели теневой и домашней экономической деятельности. Не менее различны и формы этих практик. Данное обстоятельство делает бессмысленным суждение о неформальной экономике «вообще», а также выдвижение практических предложений на основе «общего понимания ситуации».

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Шанин Т. Эксплоатационные структуры и неформальная экономика современной России // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М., 1999. С. 11—32.
2. Mingione E. *Fragmented Societies: A Sociology of Economic Life Beyond the Market Paradigm*. Blackwell; Oxford, 1991.
3. Pahl R. *Divisions of Labour*. Blackwell; Oxford, 1991.
4. Scott J. C. *Weapons of the Weak*. New Haven, 1985.
5. Feige E. *Defining and Estimating Underground and Informal Economics: The New Institutional Economics Approach* // *World Development*. 1990. Vol. 18. N 7. P. 989—1002.
6. Выработка внелегальной системы правил на примере неформальной экономики Перу описана в: *Coto Э. де. Иной путь. Невидимая революция в третьем мире*. М., 1995.
7. Волков В. Силовое предпринимательство в современной России // Социологич. исследования. 1999. № 1.
8. Барсукова С. Трансакционные издержки вхождения на рынок предприятий малого бизнеса // *Проблемы прогнозирования*. 2000. № 1. С. 108—119.
9. Радаев В. Формирование новых российских рынков: трансакционные издержки, формы контроля и деловая этика. М., 1998.
10. Курдина С. Г. Институциональная модель политической системы России // *Куда идет Россия?.. Кризис институциональных систем: век, десятилетие, год* / Под общ. ред. Т. И. Заславской. М., 1999. С. 79—85.
11. Капель М., Киселева Э. Россия и сетевое общество // *Мир России*. 2000. № 1.
12. Castells M. *The Information Age: Economy, Society and Culture*. Vol. I—III. Oxford, 1996—1998. Рус. пер.: *Капель М. Информационная эпоха: экономика, общество, культура*. М., 2000.
13. Braverman H. *Labor and Monopoly Capital: The Degradation of Work in the Twentieth Century*. New York, 1974.
14. Grossman G. *The Second Economy of the USSR* // *The Underground Economy in the United States and Abroad* / Ed. V. Tanzi. Lexington, 1983. P. 244—259.
15. Rohozinski, R. *Networks and the dialectics of control: Доклад на конференции «Информационные технологии и социальное неравенство»*. Женева, 1998. Июнь (доклад не опубликован).
16. Барсукова С. Август 1998 года и отечественное предпринимательство // *Pro et Contra*. 2000. Т. 4. Вып. 2. С. 28—45.
17. Радаев В. Теневая экономика в России: изменение контуров // *Pro et Contra*. 1999. Т. 4. Вып. 1. С. 5—24.

18. Барсукова С. Малый бизнес: контуры кадровой политики // Проблемы теории и практики управления. 1999. № 6. С. 104—107.
19. Никулин А. Конгломераты и симбиозы в России: село и город, семьи и предприятия // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М., 1999. С. 240—269.
20. Becker G. A Theory of the Allocation of Time // Economic Journal 75 (September 1965). P. 493—517.
21. Барсукова С. «Золушки» советской и постсоветской эпохи // Рубеж. 1998. № 12. С. 92—105.
22. Градосельская Г. Социальные сети: обмен частными трансфертами // Социологич. журн. 1999. № 1/2. С. 156—163.
23. Вагин В. Неформальная экономика и «совокупное жилье» горожан России // Неформальная экономика. Россия и мир / Под ред. Т. Шанина. М., 1999. С. 156—172.
24. Барсукова С. Тенденции социального зонирования российских городов // Российское городское пространство: попытка осмысления / Под ред В. Вагина. М., 2000.
25. Барсукова С. Кто такие «новые русские»? // Знание — сила. 1998. № 1. С. 10—15.